

«СМЕРТЬ НЕМЦА КОЦЕБУ» И ДРУГИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ: ПОЛИТИКА ИЛИ ЛИТЕРАТУРА

Одним из самых известных политических убийств начала XIX века стало убийство немецкого литератора и государственного деятеля Августа фон Коцебу в 1819 году. Это событие всколыхнуло всю Европу: во-первых, из-за масштаба личности покойного, во-вторых, из-за его предполагаемой шпионской деятельности в интересах России. Сочинения Коцебу ныне не имеют художественной ценности, однако в свое время по популярности его книги соперничали с произведениями Гёте и Шиллера. Всю жизнь Коцебу был сторонником консервативной политики, а позже стал деятельным пропагандистом русской политической мысли и идей Священного союза. Он был противником романтического течения и студенческих свобод на немецких землях, что сделало его имя одиозным как для молодых литераторов, так и для либералов и националистов. Смерть Коцебу от рук психически неуравновешенного студента Занда стала первым открытым проявлением нового политического движения, которое нашло свое отражение в творчестве А. С. Пушкина.

Ключевые слова: политическое убийство, литература, Священный союз, шпионаж, романтизм, национализм.

N. Yatsuk

‘The death of Kotzebue the German’ and other accidents: politics or literature

The murder of August von Kotzebue, the German writer and statesman, which occurred in 1819, became one of the most famous political murders in the early XIX century. This event shocked the whole Europe: firstly, because the deceased was a well-known and ambitious personality, secondly, he allegedly was a Russian spy. Nowadays, the works of Kotzebue have no literary significance, but they had a great success in his time, competing with those of Goethe and Schiller. During all his life, Kotzebue strongly supported the conservative policy, and later he became an active promoter of Russian political thought and ideology of the Holy Alliance. He opposed Romanticism and the free university policy that made his name odious among the young authors as well, as in liberal and nationalistic circles. Kotzebue’s death at the hands of mentally ill student Carl Sand was the first open demonstration of the new political force which had influence on the works of Alexander Pushkin.

Keywords: political murder, literature, Holy Alliance, espionage, Romanticism, nationalism.

23 февраля 1819 года в Мангейме, что в Великом герцогстве Баденском, был убит знаменитый на всю Германию (а то и на всю Европу) писатель-консерватор Август фон Коцебу. Убийство Коцебу молодым студентом Карлом Людвигом Зандом всколых-

нуло не только местную общественность, но в особенности русскую: ходили слухи, что убитый был шпионом на службе императора Александра I и яростным приверженцем идеалов Священного союза. Все это было правдой: действительно, занятия Ко-

цебу включали в себя не только литературные опыты, научную и преподавательскую деятельность, но и шпионаж в пользу Российской империи, от которого ему при всем желании не удалось бы избавиться. Одним из косвенных поводов к убийству маститого литератора было сочинение дипломата Александра Скарлатовича Стурдзы, брата фрейлины Роксандры Стурдзы-Эделинг, известной своим влиянием на императора Александра I [5, с. 210–212]. Сочинение называлось «Memoire sur l'etat actuel de l'Allemagne» («Записка относительно нынешнего состояния Германии», 1818), одной из главных идей которого было уничтожение свобод германских университетов. Несмотря на то что автором записки значился Стурдза, ее, как и предыдущую записку того же автора «Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe» («Размышления об учении и духе православной церкви», 1816), считали сочинением непосредственно самого Августа фон Коцебу. Это произведение, изданное в Штутгарте на немецком языке, содержало восхваление религии как «посредника между разными общественными силами» [12, с. 5], рассматривались терпимость и просветительский характер Русской православной церкви, «регулярное исправление» культа которой «принесло просвещенным русским дух патриотизма... и распространило Россию на земли польские и татарские» [12, с. 173]. Общий характер данного сочинения не отличался глубиной мысли и красотой изложения, однако трактат, выдержанный в духе общехристианской теологии и прославления государственности, был встречен довольно приветливо в кругу поклонников консервативной мысли. Тем не менее не все поняли и оценили поворот в творчестве Коцебу, писателя, не уступавшего по популярности Гёте и Шиллеру, одного из представителей предромантизма, в лагерь горячих сторонников абсолютизма. А все началось в 1799 году, когда молодому дра-

матургу в легкой и ироничной форме удалось затронуть одну из важнейших проблем династии Романовых...

В 1781 году Коцебу, уже являвшийся известным писателем в родной Германии, неожиданно уехал в Петербург. По поводу данного решения его первый биограф Фридрих Крамер замечает: «Изучая историю жизни такого человека, у которого имеется цель в жизни и осознание своего значения, широко известного, у которого есть все, чтобы посвятить себя... творчеству, довольно неожиданно увидеть его неожиданно покидающим родину для Петербурга. Что заставило его бросить родной город, завидную должность, наконец, любящую мать, к которой он был привязан, и хранить молчание о причинах этого?» [13, с. 85–86]. Ответом Крамера стало предположение об изгнании Коцебу из Веймара [13, с. 87–88] якобы из-за пасквиля, высмеивающего герцогскую семью. Тем не менее Коцебу быстро устроился в России, познакомился с генерал-инженером фон Бауром, вызвав восторг И. Ленца, сравнившего его по таланту с Гёте [13, с. 93]. Сам Ленц, друг Карамзина, по совету которого сентименталист предпринял свое знаменитое путешествие, очевидно, знал, о чем говорил, поскольку в Веймаре ему лично доводилось общаться с Гёте [6, с. 119]. (Однако, как видно из «Писем русского путешественника», имя Коцебу мало о чем говорило Николаю Михайловичу: «Представляли драму “Ненависть к людям и раскаяние”, сочиненную господином Коцебу, ревельским жителем. Автор осмелился вывести на сцену жену неверную, которая, забыв мужа и детей, ушла с любовником; но она мила, несчастлива — и я плакал, как ребенок, не думая осуждать сочинителя. Сколько бывает в свете подобных историй!.. Коцебу знает сердце. Жаль только, что он в одно время заставлял зрителей и плакать, и смеяться! Жаль, что не имеет вкуса или не хочет его слушаться! Последняя сцена в пьесе не-

сравненна» [6, с. 68]. Тем не менее тогда имя его было известно исключительно в немецких кругах: писатель работает совместно с Бауром, сочиняя пьесы для петербургского немецкого театра, с использованием сюжетов из русской истории, например о Лжедмитрии [13, с. 96]. Стоит отметить, что и после отъезда из России Коцебу часто использовал русский материал в своих произведениях, что позже сделало его имя широко известным при дворе. Там же драматург принялся сочинять пьесы «в легком итальянском стиле» и основал издание на немецком языке под названием «Bibliothek der Journale», вопреки рассказам автора не имевшее успеха и скоро разорившееся из-за печатания «Сказок и басен для великих князей» [13, с. 101–104]. Первая попытка лести царствующим особам не удалась: после смерти Баура в 1783 году Коцебу переезжает в Ревель, где занимается делами чисто практического свойства, служа в местном суде. Там он продолжает свои занятия драматургией, но известность так и не приходит к плодовитому драматургу. Время сентиментализма еще не наступило, а драматург не нашел свою золотую жилу — консервативную пропаганду, перемешанную со слезливой «мещанской» мелодрамой...

Еще Дидро, признанный творец мелодрамы как жанра, писал о своем представлении идеальной оперы: «Нам нужны восклицания, междометия, паузы, перебои, утверждения, отрицания; мы взываем, мы умоляем, мы кричим, мы стонем, мы плачем, мы смеемся от души. Не надо остроумия, не надо эпиграмм, не надо изысканных мыслей — все это слишком далеко от простой природы... Образец нам нужен более энергический, менее жеманный, более правдивый. Простая речь, обыкновенный голос страсти тем необходимее для нас, чем однообразнее язык, чем менее он выразителен. Крик животного или человека, охваченного страстью, только и внесет в него жизнь...» [2, с. 246].

Сентиментально-чувствительные мелодрамы Коцебу довели эту эстетическую программу до предела. Его чувствительные драмы обрели широкую популярность, в то же время подвергшись высмеиванию и сатирической переработке. Сам образ Коцебу мало упомянут в русской литературе того периода, зато утрированное изображение его драматургии содержится в одном из самых популярных романов Джейн Остин «Мэнсфилд-парк»: главные герои романа в отсутствие отца семейства задумали сыграть пьесу «Обеты любви», одну из английских переделок пьесы Коцебу «Побочный сын», содержащей рассказ о бароне, его любовнице и их сыне, наполненный любовными клятвами, запретными чувствами и счастливыми воссоединениями. Главная героиня романа, Фанни, резко осуждает пьесу: «В ней проснулось любопытство, и она пробежала страницу за страницей с жадностью, которая время от времени сменялась разве что удивлением — как можно было это предложить и принять для домашнего театра! Агата и Амелия (героини пьесы. — *Н. Я.*), каждая на свой лад, показались ей столь неподходящими для домашнего представления, положение одной и язык другой столь непригодными для изображения любой достойной женщиной, что она и помыслить не могла, будто ее кухни имеют понятие о том, чем занялись» [8, с. 171]. Кроме того, по замыслу Остин, во время репетиции этого спектакля завязались две настоящие любовные интриги, которые нанесли непоправимый моральный вред обитателям Мэнсфилд-парка. Однако в романе есть персонаж, который довольно точно характеризует стиль Коцебу: «Если то будет немецкая пьеса... пусть в ней будут остроумные шутки, меняющийся дивертисмент, и пантомима, и матросский танец, и между актами песня» [8, с. 157].

Сама пьеса, как водилось в те времена, была переработана на английский манер — применительно к условиям и нравам

светского общества Великобритании того времени, то есть в ее ткань была органично вплетена чувствительность и назидательность. Несмотря на это, миссис Элизабет Инчболд, обработавшая пьесу, решила оставить ее место действия тем же, что и в оригинале — события «Обетов любви» по-прежнему разворачивались в Германии, дабы не вводить в смущение английских леди и джентльменов, могущих отыскать параллели в семейной жизни каких-либо общих знакомых. Как заявляла сама Инчболд, «любовная страсть, представленная на сцене, вызывает чувство неуместности и отвращения, если она не сопровождается слезами или улыбкой» [15]. Тем не менее все «достойства» пьесы остались на месте. Побочный сын Фредерик уже в первом акте узнает в нищенке свою мать, которую не видел несколько лет, историю своего рождения и имя своего отца, после чего бежит его разыскивать. Во втором акте барон узнает, что его дочь не любит своего жениха, а в пятом — барон Уилденгейм (так имя действующего лица читается по-английски) усыновляет побочного отпрыска, раздумывает над тем, что стоит предложить его матери и в итоге женится на своей отвергнутой любовнице. При этом в пьесе ни разу не встречается ни раскаяние барона, ни осуждение богатых, связанное с линией Фредерика, а также самих «обетов любви». Но не все пьесы Коцебу ждала судьба малоуспешной переделки и иронического упоминания. У его таланта были очень высокие почитатели.

Император Павел I был, как известно, весьма чувствительным человеком, интересовавшимся искусством и литературой и часто увлекавшийся ею и применявший особо интересные ему идеи в политике — чего стоят хотя бы «милости и благоволения Наши Императорские ко всему знаменитому тому обществу Ордена св. Иоанна Иерусалимского» [4, с. 108], в значительной мере определявшие его политику. Кроме

того, трагическая судьба его отца Петра III никогда не оставляла императора равнодушным: он, ничего не знавший о судьбе своего отца, после восшествия на престол задал вопрос графу А. В. Гудовичу: «Жив ли мой отец?» [1, с. 45]. Поэтому, надо полагать, императору особенно понравилась пьеса немецкого писателя, написанная в 1799 году и через год его спасшая — «Старый лейб-кучер Петра III».

А дело обстояло следующим образом: Коцебу, во время своего первого пребывания в России, женился на Фридерике фон Эссен, остзейской дворянке; после ее смерти дети от этого брака остались в России вместе со своей родней по материнской стороне. Коцебу приехал их навестить и, возможно, добиться позволения опекунов на проживание их с отцом. На границе его арестовали по подозрению в «якобинстве», поскольку до этого он посещал Францию, что и описал в своих мемуарах «Мое бегство в Париж зимой 1790 года». Тем не менее сам писатель позднее признавался, «что в обычаях определенного сорта людей, которые бы захотели обобщить мой политический опыт, мне нельзя избежать печального известного клейма якобинца» [13, с. 257]. Причина, по которой Коцебу ездил в охваченный революцией Париж, была проста. Он сам объяснял это так: «прошлым летом мое нездоровье усилилось, особенно после злополучного происшествия в Пирмонте, что я решил выхлопотать себе месячный отпуск для поправки оногo» [14, с. 2]. Год этот выдался для Коцебу полным испытаниями: судебное преследование по поводу напечатанного в 1790 году принесло ему скандальную славу. Смерть первой, горячо любимой им жены Фридерики добавила ему еще больше скорби: «Ах! Ничего ему не было в радость, и Бог не пребывал в его душе!.. зачем даровано было ему счастье, которое вскоре было у него отнято... о, зачем он не умер тогда!» [14, с. 31–32]. В порыве отчаяния он думал покинуть Веймар

и отправиться к «великой императрице Российской» [14, с. 43], но вместо этого решил посетить Францию, где застал «политическую неразбериху... унаследованную прямиком от Жан-Жака» [14, с. 74–75], о которой у него остались явно негативные воспоминания.

Репутация Коцебу была серьезно подорвана: согласно воле императора, подозрительного литератора необходимо было отправить в Сибирь. Однако неизвестно благодаря чему или кому (если не считать поэта и переводчика Николая Краснопольского) императору в руки попало сочинение Коцебу. Сам Петр III в этой пьесе не присутствует, зато ее главным протагонистом является старый лейб-кучер государя Ганс Дитрих, который помогает девушке Аннхен соединиться со своим любимым Петером, при этом не скрывая своей любви и преданности императору: «Добрый наш император! Как я стал таким молодым? Крепки мои руки, тверд мой взгляд... Это такой император, который стариков превращает в юношей, по своей благодати, он умеет говорить с простыми людьми, как будто он один из нас!» [16, с. 119–120]. Действие пьесы происходит среди немецкого населения Васильевского острова, хотя в пьесе присутствует и некий «Иванншко» (Iwanshko), русский сбитенщик, и весь ее сюжет крутится вокруг благодеяний императора, который заботится о своих беднейших подданных и подает им средства к существованию.

После прочтения данного сочинения, которое в литературном отношении, возможно, отличается только отсутствием столь характерной для Коцебу мелодраматичности, Павел I был в восторге. Он вызывает автора в столицу, и так начался последний и самый плодотворный в карьерном плане период жизни писателя. Немецкий сентименталист делается доверенным лицом императора, активно участвуя в пропагандистской деятельности павловских времен.

Убедительности и популярности среди немецкого населения у Коцебу было не отнять, поэтому его активно употребляют в качестве переводчика официальных указов и консервативных сочинений. Кроме того, сам писатель известен как важный и, несомненно, один из самых точных бытописателей короткого правления Павла I. Именно ему самодержец заказал описание Михайловского замка, который должен был стать одним из самых красивых в Европе (по крайней мере, таков был августейший замысел). Стоит отметить, что Коцебу не раболепствовал перед императором: так, в кабинете государя стояли «плохой портрет Фридриха II и плохая гипсовая статуя, изображающая этого же короля верхом» [1, с. 342]. Несмотря на то что сам Коцебу непосредственно не был связан с событиями 12 марта, он был вполне осведомлен о тех событиях и довольно точно старался охарактеризовать личность покойного императора, не впадая ни в сентиментализм, ни в идеализацию. В этом его впечатления оказываются отчасти похожими на характеристику императора, данную Н. А. Саблуковым, с той только поправкой, что Коцебу знал Павла I гораздо лучше. Считается, что воспоминания о пребывании при русском дворе были сделаны немецким писателем сразу же после отъезда из России, и в этом их преимущество перед двумя записками принца Евгения Вюртембергского, еще одного мемуариста, в то время тринадцатилетнего юноши.

Мы можем предполагать, что Коцебу был вполне осведомлен о дворцовых интригах, поскольку среди его ближайших знакомых числились сам Пален, Зубов и обер-гофмейстерина и подруга императорской фамилии Шарлотта Ливен. Кроме того, с Паленом Коцебу был знаком еще в Риге: «С женою его я находился в некоторых литературных отношениях. Через ее руки многия из моих драматических произведений проходили в рукописи к великой княгине Елисавете

Алексеевне, изъявившей желание их читать. Однако для получения верных сведений с этой стороны всего важнее была для меня дружба моя с колл. сов. Беком, который был наш общий соотечественник и при том во многих делах правая рука графа» [11, с. 272–273]. Стоит сказать, что слова Коцебу о том, что никто из высокопоставленных «исследователей» заговора «не превзошел меня (Коцебу. — Н. Я.) в стремлении к истине» [11, с. 274], можно назвать вполне основательными. Коцебу искренне уважал как императора, которого считал честным и дисциплинированным человеком, стремящимся к добру, так и Палена: «Везде, где он был в прежние времена... его все знали и любили как честного и общественного человека... Только однажды, когда я был с ним совершенно один у императора, мне показалось в первый раз, что и он мог притворяться точно так, как самый гибкий царедворец» [11, с. 293]. Это было, как вспоминал писатель, в тот раз, когда Пален передавал ему приказ императора сочинить воззвание к европейским державам с вызовом на поединок; при этом сочинитель в первый раз заметил на лице добрейшего Палена саркастическую улыбку. Удивительно, но даже после совершения убийства граф Пален остался в добрых отношениях с Коцебу и рассказал ему о подробностях заговора [11, с. 339–340]. Даже и гораздо позже участники событий 12 марта не отказывали себе в удовольствии поведать о своей роли в историческом событии, а Пален был разговорчивей всех. Коцебу тем не менее по собственной воле покинул Россию и отправился в Веймар, не встретив никаких препятствий, и в дальнейшем продолжал служить России — пусть только в плане пропаганды.

Некоторое время Коцебу жил в Пруссии, занимаясь издательской деятельностью. Направление его литературных трудов носило печать борьбы с Гёте и романтизмом, но его нападки на новое течение сходили с рук

плодовитому сентименталисту: «В литературных кругах художественные достоинства его пьес оценивались или очень высоко, или предельно низко. Философ и литератор Ф. Шлегель называл Коцебу “позором немецкой сцены”. Великий Гёте считал творчество Коцебу “гнусным вздором”, признавая за Коцебу наличие “превосходного, но неглубокого таланта”... За негативными отзывами многие современники видели, прежде всего, проявление затаенной зависти. Гёте, несмотря на свое демонстративное пренебрежение, поставил на сцене Веймарского театра 87 пьес Коцебу» [3, с. 178]. С поражением Пруссии в войне 1806 года Коцебу уехал на территорию Российской империи, в свое лифляндское поместье, а после освобождения прусской территории от французской армии он вернулся, продолжая работать на русское правительство. Его пьеса «Старые сердечные дела» была одной из тех, что игралась на празднествах Венского конгресса, в ее постановке принимала участие тогдашняя пассия Александра I графиня Ауэрсперг [7, с. 251–252]. На политической ниве ему удалось блеснуть своими трактатами (самостоятельно или в соавторстве) «Memoire sur l'etat actuel de l'Allemagne» и «Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe», причем первое сочинение рассматривалось многими современниками причиной покушения на жизнь Коцебу студента Занда, который был сторонником студенческого самоуправления. Однако, как пишет О. В. Заиченко, Карл Занд был знаком с творчеством и с общественными взглядами «предателя и шпиона» только из газеты «Литературный еженедельник», которая, подобно прочим изданиям Коцебу, содержала в основном сатирические материалы и нападки на романтиков. Собственно, в этом и заключался пресловутый «шпионаж» Коцебу как доверенного лица императора и «своего человека» в немецких литературных кругах.

Коцебу, не скрывавший своих симпатий к России и самодержавию, стал мишенью откровенных нападок. Он предпринял очередную поездку в Россию, однако 23 марта, так и не дождавшись разрешения Александра I, был убит в Мангейме студентом Йенского университета Карлом Зандом. Однако, несмотря на общее впечатление от Коцебу как от случайно выбранной жертвы еще не оформившегося немецкого национализма, воплощенного в лице душевно нездорового Занда, их история взволновала не только Германию, но и всю Европу. Случайно или нет, но убийца Коцебу вошел в сонм великих тираноборцев истории, таких как Брут и Шарлотта Корде. И такую роль признал за Карлом Зандом не кто иной, как Александр Сергеевич Пушкин.

Коцебу, почти не оказавший никакого политического и идеологического влияния в России при жизни (в отличие от его более удачливых современников Жозефа де Местра и Фридриха Максимилиана Клингера [5, с. 112–113]), стал широко известен после смерти. В стихотворениях Пушкина он упоминается два раза: в эпиграмме «На Стурдзу» (1819) и в оде «Кинжал» (1821), написанной под влиянием греческого восстания. Если эпиграмма косвенно обвиняет Стурдзу в смерти Коцебу: «Ты стоишь лавров Герострата и смерти немца Коцебу» [9, с. 197], то в оде 1821 года Занд назван «юным праведником», грозящим «бедой преступной силе» [9, с. 238–239]. Имя Занда было по-

ставлено в ряд с Брутом и Шарлоттой Корде, и описанием его могилы завершается стихотворение.

Но не только Занд являлся достойным образчиком для восхищения тираноборцев, и не только он мог подразумеваться в стихотворении, написанном через два года после совершенного им деяния. В 1820 году произошло куда более крупное событие, которое своей тенью отчасти пало — но не заслонило — убийство «немца Коцебу». Однако по понятным причинам оно не могло открыто упоминаться ни в печати, ни даже в рукописных листках. В 1820 году состоялось убийство возможного наследника французского престола герцога Беррийского, совершенное столяром Лувелем, которое ознаменовало собой крах французской монархии, но, кроме императорской семьи, мало кто выразил интерес к этой теме. Возможно, разгадка кроется в словах Пушкина в письме к Е. М. Хитрово, написанных 21 января 1831 года: «Французы почти перестали меня интересоваться. Революция должна бы уже быть окончена, а ежедневно бросаются новые ее семена... Они хотят республики и добьются ее — но что скажет Европа и где найдут нового Наполеона?» [10, с. 335–336]. Так символическое событие оказалось важнее события политического, отчасти маскируя, отчасти вычеркивая его из памяти — возможно, последний пример романтического мифотворчества эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боханов А. Н. Павел I. М.: Вече, 2010. 448 с.
2. Дидро Д. Племянник Рамо. М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 185–262.
3. Заиченко О. В. Август фон Коцебу: История политического убийства // Новая и Новейшая история. 2013. № 2. С. 177–191.
4. Захаров В. А. Император Всероссийский Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского. СПб.: Алетейя, 2007. 284 с.
5. Йена Д. Екатерина Павловна: великая княжна — королева Вюртемберга. М.: АСТ; Астрель, 2008. 415 с.

6. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М.: Захаров, 2005. 496 с.
7. *Кинг Д.* Битва дипломатов, или Вена, 1814. М.: АСТ; Астрель, 2010. 477 с.
8. *Остен Д.* Мэнсфилд-парк. М.: Эксмо, 2005. 544 с.
9. *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. I. 735 с.
10. *Пушкин А. С.* Полное собр. соч.: В 10 т. Т. X. М.: Наука, 1966. 902 с.
11. Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. М.: СП «Вся Москва», 1990. 432 с.
12. Betrachtungen über die Lehre und den Geist der orthodoxen Kirche, von Alexander von Stourdza. Aus dem französischen übersetzt von August von Kotzebue. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer, 1817. 207 S.
13. *Cramer F. M. G.* Leben August von Kotzebue's. Nach seinen Schriften und nach authentischen Mittheilungen dargestellt. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1820. 530 S.
14. *Kotzebue A. von.* Meine Flucht nach Paris im Winter 1790: Für bekannte und unbekante Freunde geschrieben von August von Kotzebue. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer, 1791. 310 S.
15. The Project Gutenberg Etext of Lover's Vows by Mrs. Inchbald. /www. gutenberg. org/dirs/etext03/lover10h. htm
16. Theater von August von Kotzebue. Neunter Band. Wien: Ignaz Klang; Leipzig: Eduard Kummer, 1840. 354 S.

REFERENCES

1. *Bohanov A. N.* Pavel I. М.: Veche, 2010. 448 s.
2. *Didro D.* Plemjannik Ramo. М.: Eksmo, 2006. S. 185–262.
3. *Zaichenko O. V.* Avgust fon Kotsebu: Istorija politicheskogo ubijstva // Novaja i novejschaja istorija. 2013. № 2. S. 177–191.
4. *Zaharov V. A.* Imperator Vserossijskij Pavel I i Orden svjatogo Ioanna Ierusalimskogo. SPb.: Aletejja, 2007. 284 s.
5. *Jena D.* Ekaterina Pavlovna: velikaja knjazhna — koroleva Vjurtemberga. М.: AST: Astrel', 2008. 415 s.
6. *Karamzin N. M.* Pis'ma russkogo puteshestvennika. М.: Zaharov, 2005. 496 s.
7. *King D.* Bitva diplomatov, ili Vena, 1814. М.: AST: Astrel', 2010. 477 s.
8. *Osten D.* Mensfild-park. М.: Eksmo, 2005. 544 s.
9. *Pushkin A. S.* Soch. v 3 t. T. I. М.: Hudozh. lit., 1985. 735 s.
10. *Pushkin A. S.* Polnoe sobr. soch. v 10 t. T. X. М.: Nauka, 1966. 902 S.
11. Tsareubijstvo 11 marta 1801 goda: Zapiski uchastnikov i sovremennikov. М.: SP «Vsja Moskva», 1990. 432 s.
12. Betrachtungen über die Lehre und den Geist der orthodoxen Kirche, von Alexander von Stourdza. Aus dem französischen übersetzt von August von Kotzebue. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer, 1817. 207 S.
13. *Cramer F. M. G.* Leben August von Kotzebue's. Nach seinen Schriften und nach authentischen Mittheilungen dargestellt. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1820. 530 S.
14. *Kotzebue A. von.* Meine Flucht nach Paris im Winter 1790: Für bekannte und unbekante Freunde geschrieben von August von Kotzebue. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer, 1791. 310 S.
15. The Project Gutenberg Etext of Lover's Vows by Mrs. Inchbald. /www. gutenberg. org/dirs/etext03/lover10h. htm
16. Theater von August von Kotzebue. Neunter Band. Wien: Ignaz Klang; Leipzig: Eduard Kummer, 1840. 354 S.